

АЛЕКСЕЙ ВОРОНКОВ

ДВА КАПИТАНА

Май сорок пятого ...

Было когда-то.

Шли по дорогам Европы

солдаты,

Шли, возвращаясь.

с долгой войны,

Чьи-то братья,

чье-то сыны.

Шли по следам

столъ недавнего пламени.

Капала кровь

с победного знамени.

Братским могилам

салют отдавали.

С радостным сердцем

цветы принимали.

Помнишь дороги те,
 русский солдат?
Помнишь, как ты
 возвращался назад?
Были среди них
 в незалеченных ранах
Мать и отец мои -
 два капитана.
Сильно уставших,
 войною пропахших,
Тихо несли они
 память о павших.
Память атак,
 голос мертвых комбатов,
Память ранений,
 контузий, санбатов...
Память, ты в жизнь
Годы свяжи!
 и помни с отонцами
Трудно поверить,
 мыслью мягкою
но было когда-то:
Шли по дорогам Европы
 и погибли
 солдаты.

ОБЕЛИСКИ

Обелиски,
Обелиски ...
Прикоснитесь,
Прикоснитесь
К леденящему граниту,
Как к груди бойца пробитой.
Прикоснитесь!

Обнимите,
Обнимите
Глыбу камня, словно плечи
Мускулистые
солдата,
Что ушел когда-то в вечность.
Обнимите!

Поклонитесь,
Поклонитесь

Помнишь зорьки,

Серым камням-изваяньям,
Как крестам на поле брани,
Где был сын ваш ~~на~~ в сердце ранен,
Поклонитесь!

Берегите,
Берегите
Имена, что на граните
С болью выбиты в честь павших
Сыновей и братьев ваших.

Среди волн людского моря
Встали грозно вехи горя.
Вечным лезвием по близким
Обелиски,
Обелиски ...

от \hat{d} отъѣ
Мы погоня за
ИЮНОМ МАЙ Йони ольН

Дуют майские ветры,
Утопая в пыли.
Все великие беды
Сдуют ветры с земли.

Все великие боли
Растворятся, как сны.
Добро вспахано поле
В зорях мирной весны.

Не пылают рассветы
Над сожженной землей.
Дуют майские ветры
Надо мной,
надо мной.

И я чую их силы,
И всегда верю им,

Будто б то
шестикрылый
Надо мной
серафим.

Серебряный крестиком тонуть
Илан и яшот
Белые кипарисы сидят тонуть
Ильинка ли грустна
Сколько ли никого не видно
Сыноли юноши фиакрия гася
Этот овчарка сядет
Среди пчелов йылтым тонуть я
Мастмы борзые зевают
Вечерни лягушки тонуть
Сколько птиц в Коницком лесу
Сколько птиц в Коницком лесу
Любим один
Любим один

Любим один
Любим один

И уходит он в даль низкой.
Мамой бреда дрожат об тихоэ эн
тамзиве охит эж туТ
ПОХОРОНЫ

Скоровати и зык
Он у Посвящаю памяти родителей,
патриотов земли Русской,
фронтовиков, православных
Н.Ф. и А.С. Воронковых

Схоронили маму. Больно
Крик в душе, из горла стон.
Под звездой пятиугольной
Скромный холм,
под ним схорон.

Батя сник, стоит растерян,
За грудиной пустота.
- Вот такая, брат, потеря,
Молвит батя неспроста.

Знает, с маминым уходом
И его окончен срок.

Не осилит больше года –
Тут же тихо занемог.

Подошел к глубокой яме,
Чье в снегу скучало дно ...
Рыли мы могилу маме
И ему уж заодно.

Сам просил, чтоб были рядом.
За полвека, знать, привык.
... Глянул вниз
потухшим взглядом,
И вздохнул, и больше сник.

- Это мне? – спросил негромко.
- Да, тебе ...
И - тишина.
Снег. Январь. Мела поземка.

- Ну, пошли.
Прости, жена.

И ушел он ждать исхода,
Мамой бредя до конца...

Но не бывает на земле счастья.
Не прошло потом и года —
Схоронили и отца.
Он ушел, как мать, негромко к
Как и жил. Такой венец.
Был декабрь. Мела поземка.

- Ну, пошли...
Прости, отец ...

И мысли глядят на него что тут, кмэдэж
какой он быть судя из земли пыевж
жговэйт вэд, ятчжэ вэд
к пышици юйна э аэрэйт
мээзээн

стуухопто дээльм јд энэ Н
сэодон с

эдэхэн ани кимбэгэ к яв пын Н
ынлогож отоношится ен чюй яж